

Нин Си с улыбкой похлопал ресницами, глядя на Сун Ицзэ.

Тот взял у него бутылку минералки, без малейшего усилия открутил крышку и вернул обратно.

— Спасибо! — Нин Си просиял так ярко, что у него даже уголки глаз приподнялись, придав лицу невинное и милое выражение.

Приняв воду, он на пару секунд замер, а затем медленно протянул бутылку обратно Сун Ицзэ:

— Ты не хочешь пить? Сделай первый глоток.

Сун Ицзэ лишь молча уставился на него.

«Он вообще понимает, что несёт?»

— Да шучу я, шучу, — со смешком отмахнулся Нин Си, отпил немного и мельком глянул на уши собеседника.

Те слегка покраснели.

«Как ни крути, а в душе всё ещё наивный мальчишка».

Нин Си облизнул губы.

С чего вдруг Ицзэ задал такой вопрос? Неужели до него дошли какие-то слухи? Или он с чего-то решил, будто видел его на ринге?

Как бы то ни было, стоит проявить осторожность.

Нин Си не был дураком. Он прекрасно понимал: если с пеной у рта доказывать, что он и мухи не обидит, драться не умеет, а крышку от бутылки не в силах открутить даже под страхом смерти, это лишь подльёт масла в огонь и усилит подозрения.

Значит, нужно просто отвлечь его внимание.

Что там Бай Сюйюй говорил про идеальный образ?

«Сладкий, мягкий, податливый, с подвешенным языком, обожающий капризничать и звать тебя "старшим братиком" глупый Омега»?

Ну, «братиком» он его звать точно не станет — избавьте. Сюсюкать и капризничать — понятия весьма туманные. Сладкий и мягкий? Так от него и без того постоянно пахнет нежно и сладко.

А вот «подвешенный язык» и «недалёкий милашка» — это куда реальнее.

Точно, то что нужно!

Похоже, в ближайшие дни придётся засыпать нашего Ицзэ комплиментами.

Следующие несколько дней Нин Си балансировал на грани просто виртуозно.

Стоило Сун Ицзэ появиться в классе для самостоятельных занятий, как Нин Си тут же вырастал рядом. Он щебетал обо всяких пустяках, восхищался тем, как здорово тот сегодня выглядит, и крутился поблизости, умищая слух юноши речами сладкими, точно мёд.

Когда Ицзэ погружался в учёбу, Нин Си смирно сидел неподалёку. Хотя сам к учебникам почти не прикасался, работе нисколько не мешал.

И лишь изредка подавал голос:

— Задача такая сложная... Ицзэ, а ты не мог бы мне объяснить?

— Ого, какой ты умный! Неудивительно, что это именно ты! Стоило тебе разложить всё по полочкам, как я сразу всё понял!

— Ицзэ-ицзэ, у меня сегодня портфель такой тяжёлый... Не сможешь донести до машины?~

— Ицзэ, я тут чай с молоком покупал и тебе взял стаканчик! Твой любимый чёрный латте с двойным льдом.

— Даже не думай отказываться, я ради этого в такой очереди простоял, а на улице жара невыносимая!~

Все тысячи слов, готовых сорваться с языка Сун Ицзэ, в итоге сжимались до короткого:

—... Ладно.

Судя по реакциям, план работал без сбоев.

«Си-эр, ну ты в последнее время и притворяешься зелёным чаем, прямо настоящая лисица», —

писал ему Бай Сюйюй.

Нин Си было плевать на подобные ярлыки. Кое-как ухватившись за столь надёжную опору, он намеревался держаться за неё мёртвой хваткой при любых раскладах.

У Сун Ицзэ же в душе всё переворачивалось.

Нин Си в последнее время был слишком уж милым: тихий, не создающий проблем, ласковый, послушный, да ещё и этот его запах мяты и белого чая отдавал чарующей сладостью.

Это...

Сначала Сун Ицзэ ничего не мог понять, но постепенно привык и к такому обращению.

Сам же Нин Си мастерски совмещал две жизни: днём прикидывался безобидным милашкой, а по вечерам отправлялся в боксёрский клуб и в пух и прах разносил груши. Он осознал, что вечно прятаться за чужой спиной не выйдет, и ему необходимо укреплять собственное тело, чтобы полноценно выживать в этом мире АВО.

Дни текли безмятежно и ровно, а вскоре пришла отличная новость: Сун Ицзэ занял первое место в провинциальном этапе олимпиады по физике.

— Ты правда собираешься в школу? — с сомнением спросил Сун Ицзэ, глядя на Нин Си, который с аппетитом уплетал хрустящую хлебную соломку.

— Ну да, — Нин Си слегка прищурился, и в его взгляде заплясали весёлые искорки. — В школе ведь открыли классы для самостоятельных занятий?

Первая неделя августа уже осталась позади. В самом разгаре стояло знойное лето, солнце палило нещадно, а оглушительный треск цикад легко пробивался сквозь оконные стёкла, заполняя всё вокруг палящим шумом, присущим лишь этому времени года.

Нин Си и Сун Ицзэ отправлялись в школьный магазинчик за холодными напитками для всей их учебной группы. Стоило им распахнуть дверь, как навстречу им хлынула волна раскалённого воздуха.

Сун Ицзэ ненадолго замешкался, а затем произнёс:

— Открыть-то открыли... Но ты уверен, что не хочешь отдохнуть перед началом учебного года?

Нин Си дожевывал соломку и поплотнее обхватил охапку снеков:

— Да ничего страшного. Для выпускников главное — учёба!

Сун Ицзэ посмотрел на него. Тонкие, изящные руки Нин Си удерживали пакеты с явно видимым усилием, а яркое солнце успело слегка обжечь его фарфоровую кожу, позолотив розовым кончик носа и мочки ушей.

Тогда Сун Ицзэ переложил два пакета в одну руку, а освободившейся подхватил тот, что нёс Нин Си:

— Давай сюда.

И хотя Нин Си несколько не устал и этот груз казался ему пустяковым, он всё равно приторно-сладко выдохнул:

— Спасибо!

И тут же докинул:

— Какой же ты всё-таки добрый!~

К этому моменту Сун Ицзэ был настолько приучен к мысли о немогущности собеседника, что на подсознательном уровне считал: Нин Си вообще не способен поднять ничего тяжелее карандаша.

— Перестань паясничать, — буркнул он.

— А я чистую правду говорю! — Нин Си со смехом подпрыгнул, развернулся и пошёл задом наперёд перед Сун Ицзэ. — Слушай, а во сколько у вас заканчиваются эти олимпиадные сборы?

— Где-то в семь-восемь вечера, — ответил Ицзэ.

Нин Си наигранно скривил губы:

— Вот как... Что ж, тогда я тебя подожду. Как освободишься, я зайду за тобой в экспериментальный класс.

Сун Ицзэ от неожиданности выпалил:

— Ты будешь ждать меня, чтобы пойти вместе?

— Ну да, вместе! — Бледная кожа Нин Си на солнце казалась почти прозрачно-розовой, а в глазах искрился озорной блеск. — Тебе нужно отлично подготовиться к следующим этапам, ты ведь главная надежда нашей школы!

Нин Си всего лишь хотел призвать его усердно учиться, но Сун Ицзэ истолковал эти слова совершенно иначе: «Он пришел заниматься в школу только ради того, чтобы побыть со мной».

— Я ведь так толком и не поздравил тебя с блестящей победой на отборочном. Как насчёт того, чтобы после занятий в группе я угостил тебя ужином? — предложил Нин Си.

Сун Ицзэ молча шёл рядом, держа в руках тяжёлые пакеты. Палящее солнце жарило немилосердно, но зной лишь распалял внутренний пожар.

Слушая подобные речи, невозможно было не поддаваться наводящим мыслям. Любой нормальный человек на его месте сделал бы вполне конкретный вывод!

Нин Си, который никогда не отличался успеваемостью и, казалось, вообще терпеть не мог учиться, теперь целыми днями контролировал его занятия, жертвовал собственными каникулами, чтобы сидеть в школе, и даже готов был терпеть голод до самого вечера, лишь бы дожидаться его после уроков.

Нин Си совершенно точно к нему неравнодушен. В этом не могло быть сомнений.

От этой мысли Сун Ицзэ стало ещё жарче. Солнечные лучи слепили глаза, лёгкий ветерок шевелил пряди на лбу, а к щекам прилиwała горячая волна. Сердце юноши, обычно такое рассудительное и осторожное, дрогнуло: он боязливо опасался поверить в происходящее, хотя в глубине души уже поверил.

С возвращением Сун Ицзэ на школьные сборы работа их учебной группы подошла к концу. Ху Янцай с большим энтузиазмом взялся за составление итоговых отчётов и систематизацию материалов, а Вэнь Мэймэй и Сэ Цзю отправили на дополнительные курсы.

Нин Си же следовал за Сун Ицзэ пятка в пятку, ежедневно приходя на занятия в Первую старшую школу Синьчан.

Желающих позаниматься раньше времени оказалось немало: если присмотреться, почти в каждом классе сидело по одному-два ученика, уткнувшихся в книги.

Изначально Нин Си планировал приходить вместе с Ицзэ, но в первый же день благополучно проспал.

Когда он, сломя голову, примчался в школу, там уже объявляли обеденный перерыв.

Оставив рюкзак в кабинете седьмого класса третьего года старшей школы, Нин Си отправился в столовую на поиски Сун Ицзэ. Поскольку сейчас здесь питались только олимпиадники да редкие полуночники, полупустой зал просматривался насквозь, и Нин Си мгновенно отыскал нужный столик.

— О, Си-эр! — Заметив приближающегося Нин Си, Чжан Циан радостно замахал рукой, зазывая его к себе. — Ты чего тут? Тоже заниматься пришёл?

На середине фразы Чжан Циан осёкся, вспомнил, кто сидит напротив него, и его лицо озарилось догадкой. Он с глуповатой ухмылкой ткнул Сун Ицзэ локтем в бок и многозначительно повёл бровью.

Сун Ицзэ без слов понял этот намёк, насупился и ощутимо щёлкнул палочками для еды по руке приятеля.

— А, Чжан Циан, давненько не виделись, — Нин Си опустил на стул подле Сун Ицзэ, тяжело дыша и пытаясь перевести дух. — Жара просто невыносимая. Пока бежал, весь потом изошёл!

С этими словами Нин Си оттянул ворот своей футболки, судорожно обмахиваясь, чтобы хоть немного охладиться.

Короткие волосы юноши взмокли, несколько прядей прилипли ко лбу. Просторная футболка от движения вздымалась, открывая взору белоснежные, чуть покрасневшиеся ключицы и тонкую, подтянутую талию, отчётливо прорисовывавшуюся сквозь ткань.

В следующее мгновение его запястье сжала крепкая рука Сун Ицзэ.

Нин Си замер с полуоткрытым воротом.

Сун Ицзэ, не выпуская его руки, мягким, но непреклонным движением вернул вырез на место, надёжно застегнув тонкую грань дозволенного от чужих глаз.

Нин Си: «?»

Чжан Циан: «?»

Сун Ицзэ: «...»

Осознав, насколько странно выглядит его порыв, Сун Ицзэ тут же разжал пальцы.

Кости Омеги разительно отличались от строения тела Альфы. В тот краткий миг, когда он сжал хрупкое запястье Нин Си, в голове Сун Ицзэ мелькнула мысль, о которой он раньше даже не задумывался:

«Неужели он ещё сильнее похудел?»

Лицо Ицзэ оставалось непроницаемым. Замерев лишь на мгновение, он спокойно достал из кармана миниатюрный портативный вентилятор и протянул его собеседнику:

— Так будет прохладнее.

Нин Си взял приборчик и пару секунд молча разглядывал его.

Хотя он понятия не имел, что творится в голове у младшего, реакция последовала незамедлительно:

— Спасибо, Ицзэ! Ты такой заботливый!

Сидевший напротив Чжан Циан чуть не поперхнулся соевым молоком.

«Что за комедию эти двое тут устраивают?! Что вообще происходит?!»

Сун Ицзэ, похоже, обрёл стойкий иммунитет к подобным выпадам. Он лишь коротко кашлянул и спросил:

— Ты ел?

— Сейчас пойду возьму что-нибудь, — ответил Нин Си. — Только почему тут открыто всего одно окошко? Выбор вообще никакой, разве этим наешься?

— Скажи спасибо, что вообще кормят, не привередничай, — спокойно заметил Ицзэ, продолжая трапезу.

— А мне вдруг так захотелось свиных рёбрышек в кисло-сладком соусе...

— Сегодня их не готовили.

— Эх, жалко... О! А давай тогда после твоих уроков сходим поесть улитковую лапшу!

— Ты опять за своё?

— Ну пожалуйста-пожалуйста! Ты ведь ещё в прошлый раз обещал мне сходить, а всё откладываешь!

—... Ладно.

Разговор был самым обыденным, но Чжан Циан с каждой секундой всё больше терял связь с реальностью.

Погодите-ка... Си-эр что, реально пришёл сюда просто ради того, чтобы посидеть рядом, пока тот учится?!

Ничего себе повезло нашему Богу Цзэ!

Чжан Циан переводил взгляд с одного на другого, и еда в его тарелке мгновенно потеряла всякий вкус. Выдержав паузу и собравшись с духом, он наконец выловил момент в их перепалке и озвучил вопрос, давно терзавший умы всей школы:

— Слушайте... вы двое... вы вообще встречаетесь или как?!

<http://bllate.org/book/20373/2228407>